свойствъ дуба, которыя изучены въ средней полосѣ Россіи, человѣкъ сдѣлаетъ заключеніе о дубѣ персидскомъ или американскомъ, то почти навѣрное впадетъ въ маленькую ошибку. Но какъ велика ошибка порочнаго человѣка, когда, на основаніи своей душевной жизни, онъ высказываетъ сужденіе о людяхъ вообще! Его ошибка будетъ огромна, если примѣнить его выводъ къ людямъ добродѣтельнымъ. Столь же неправильно будетъ заключеніе человѣка съ живыми интересами къ наукѣ, искусству, общественной жизни, если, по себѣ, онъ станетъ судить о всѣхъ людяхъ.

Съ этими ошибками связано и то невѣрное замѣчаніе Толстого, что мы не считаемъ человѣка живымъ, если даже движенія его сильны, совершаются въ порывѣ страсти, пока его животная личность не подчинена разуму. Этими словами Толстой хочетъ признать жизнь человѣка истинной лишь тогда, когда въ ней спокойно, ничѣмъ не затемненный, властвуетъ разумъ. А между тѣмъ въ порывѣ страсти человѣкъ нерѣдко дѣйствуетъ съ величайшимъ напряженіемъ душевныхъ силъ. Ораторъ, проповѣдуя ученіе, которое захватываетъ его всецѣло, достигаетъ наибольшей ясности и яркости образовъ по мѣрѣ того, какъ ростетъ его одушевленіе. И даже опьянѣніе нерѣдко производитъ такое дѣйствіе. Является, поэтому, несообразнымъ признаніе человѣка живымъ только потому, что въ немъ подавлена животная личность. Она можетъ быть подавлена въ человѣкѣ независимо отъ его доброй воли, отъ стремленія ко благу; такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, одолѣваемый болѣзнью, человѣкъ недвижимо лежитъ въ постели. Его разумное сознаніе можетъ выражаться при этомъ въ такой формѣ, что легко приводитъ стороннихъ людей къ невѣрнымъ выводамъ: онъ можетъ, напримѣръ, сожалѣть, что дурной образъ жизни довелъ его до тяжкой болѣзни, можетъ обѣщать, что, послѣ выздоровленія, будетъ жить лучше, воздерживаться отъ пороковъ; пожалуй, будетъ даже говорить о своей готовности совершать добрыя дѣла, служить ближнимъ. Все это — ясные признаки разумнаго сознанія; но все это вовсе не служитъ ручательствомъ, что, по выздоровленіи, человѣкъ не обратится снова къ образу жизни, въ которомъ ярко выражается животная личность.

Невѣрно и то утвержденіе Толстого, что отреченіе отъ блага животной личности есть законъ человѣческой жизни. Можно признать это закономъ для нѣкоторыхъ, немногихъ людей; но онъ